

Громогласов И. М. О вторых и третьих браках в Православной Церкви: Историко-канонический очерк // Богословский вестник 1902. Т. 3. № 9. С. 23–41 (2-я пагин.). (Начало.)

О ВТОРЫХЪ И ТРЕТЬИХЪ БРАКАХЪ ВЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Историко-канонический очеркъ.

Среди разнообразныхъ вопросовъ внутренней истории христианского брачного права значительный интересъ для изслѣдователя представляетъ выясненіе церковнаго взгляда на вторые и третыи браки и каноническихъ опредѣленій о способѣ ихъ заключенія. Предметъ этотъ, обычно затрагиваляемый лишь мимоходомъ въ системахъ православной доктрины и церковнаго права, доселѣ, насколько намъ известно, не вызвалъ ни одного специального изслѣдованія и не получилъ надлежащей разработки. А между тѣмъ вопросъ о способѣ заключенія вторыхъ и третьихъ браковъ, далеко не всегда—какъ увидимъ ниже—одинаково решавшійся въ канонической литературѣ и въ церковно-юридической практикѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія не только самъ по себѣ, но въ равной мѣрѣ, если еще не больше, и по своему значенію для выясненія общаго вопроса—о существенныхъ элементахъ въ формѣ заключенія *всякаго* христианскаго брака. Послѣдній вопросъ, издавна спорный въ западной доктринальной и церковно-юридической литературѣ, поставленъ на очередь и у насъ со времени выхода въ свѣтъ изслѣдованія покойнаго профессора Московскаго университета, А. С. Павлова, о 50-й главѣ Кормчей¹⁾). Всесторонняго выясненія его, однако, не появилось до сихъ порь, да и едва-ли можно ожидать его въ скромъ времени въ виду широты и сложности такой работы, далеко выступающей за предѣлы изу-

---

¹⁾ 50-я глава Кормчей книги, какъ исторический и практический источникъ русского брачного права. М. 1887.

ченія чисто каноническихъ матеріаловъ, въ область православной догматики и литургики. Но нельзя не признать желательнымъ, чтобы по крайней мѣрѣ по частямъ и постепенно подготавлялся путь къ полному и всестороннему научному решенію этого важнаго вопроса. Въ качествѣ именно такой частичной и подготовительной работы мы и предлагаемъ настоящій „очеркъ“.

I.

Намъ необходимо начать свою работу съ выясненія того, какъ искони смотрѣла христіанская церковь на повторяемость брачного союза: при какихъ условіяхъ, въ какихъ границахъ допускала она его повтореніе, и признавались ли послѣдующіе браки, при наличии извѣстныхъ условій, таинствомъ, какъ и первый, или же имъ во всякомъ случаѣ усвоялось значеніе только гражданскихъ союзовъ, существующихъ *jure humano*, а не *divino*? Съ точки зрењія современной догматики и дѣйствующаго церковнаго права вопросы эти, по-видимому, не представляютъ особенной трудности: допускаемъ настоящее время безпрепятственно, по прекращеніи предыдущаго, второй и третій бракъ для своихъ членовъ (кромѣ лицъ іерархическихъ и тѣхъ, кому повтореніе брака воспрещено специальнымъ приговоромъ церковно-судебной власти), удостоивая тотъ и другой своего благословенія (хотя по иному, болѣе краткому и менѣе торжественному чину, чѣмъ первый, и съ наложеніемъ на брачущихся извѣстной эпитетіи) и усвояя имъ церковно-юридическая послѣдствія (напр. въ отношеніи къ разводу) одинаковыя съ первымъ бракомъ, православная церковь всѣмъ этимъ достаточно ясно свидѣтельствуетъ, что она не отказываетъ названнымъ бракамъ въ дарахъ благодати и въ достоинствѣ христіанского таинства¹⁾). Но исторически выразившееся отношеніе ея ко вторымъ и третьимъ бракамъ далеко не столь опредѣленно и нуждается въ нѣкоторыхъ разъясненіяхъ. Извѣстно, напримѣръ, что при исчислѣніи христіанскихъ священно-

¹⁾ См. „Православно-догматическое Богословіе“ высокопреосв. *Макарія*, т. II, стр. 487—8 СПБ. 1883. Въ другихъ системахъ православной догматики вопросъ о сакраментальномъ достоинствѣ вторыхъ и третьихъ браковъ обычно не затрагивается совсѣмъ и обходится совершеннымъ молчаніемъ.

дѣйствій и таинствъ даже въ очень позднихъ памятникахъ церковной письменности (XV—XVII вв.) бракъ обычно упоминается въ формулѣ: *ὁ πρῶτος γάμος, ὁ παρθενικὸς ἐν Κυρῷ γάμος*¹⁾— „первый бракъ“, „дѣвственный бракъ о Господѣ“,— откуда не безъ нѣкоторой видимой убѣдительности заключаютъ, что нѣкогда лишь первый бракъ признавался имѣющимъ сакраментальное достоинство и силу. Косвеннымъ подтвержденіемъ того же самаго можетъ представляться и постоянно неблагосклонный взглядъ христіанской древности на повтореніе брака, засвидѣтельствованный въ различныхъ памятникахъ церковной письменности, начиная съ посланій апостольскихъ (напр. 1 Кор. VII, 7—9 и др.) и продолжая нравственно - аскетическими и каноническими твореніями преимущественно восточныхъ отцовъ. Сопоставляя эти даныя, легко прийти къ мысли, что по церковному воззрѣнію, восходящему своимъ началомъ къ перво-христіанской эпохѣ и сохранившему силу въ продолженіе многихъ вѣковъ, только единобрачію усвоилось въ полномъ и точномъ смыслѣ достоинство истинно-христіанского брака, и что только „дѣвственный бракъ о Господѣ“ считался „таинствомъ во Христа и церкви“. Разсмотримъ, однако, ближе эти даныя, чтобы правильнѣе судить затѣмъ и о степени основательности сейчасъ указанного вывода изъ нихъ.

Нельзя отрицать того, что церковь издревле, одобряя и благословляя первый бракъ, далеко не столь благосклонно смотрѣла на послѣдующіе²⁾, предписывая въ

¹⁾ См. у *Zhishman'a* въ его классическомъ трудѣ: „Das Ehrerecht der Orientalischen Kirche“, S. 127.

²⁾ Однако, все-же не до такой степени, какъ полагаютъ нѣкоторые. утверждая, будто „съ первыхъ вѣковъ вся христіанская церковь весьма неодобрительно смотрѣла на повтореніе брака“ (*Поповъ Н. Императоръ Левъ VI Мудрый и его царство.*, стр. 109. М. 1892). Такой рѣзко-отрицательный взглядъ на повторяемость брака, не согласный съ апостольскими наставленіями (Римл. VII, 3; 1 Кор. VII, 8—9, 39—40; 1 Тим. V, 14 и др.) и вытекающей изъ слишкомъ низменнаго пониманія природы брачныхъ отношеній, былъ свойственъ въ древности лишь сектамъ монтанистовъ и новатианъ, считавшихъ *iterata conjugia* за прелюбодѣяніе и налагавшихъ на всѣхъ, чей бракъ расторгнутъ хотя бы и смертю другого супруга, требованіе обязательнаго безбрачія. Въ противоположность имъ церковь, одобряя въ своихъ членахъ воздержаніе отъ нового брака по прекращеніи первого, смотрѣла на это воздержаніе, какъ на дѣло личной свободы (*Epiphani. Haeres.* 48, с. 9,—ed. *Dindorf*, t. II, p. 436) и, по-

этомъ отношеніи нѣкоторыя ограниченія для своихъ членовъ. Въ особенности это должно сказать относительно церкви восточной¹⁾, взглядъ которой на повторяемость брака

рицая сектантскій ригоризмъ, требовала оть присоединяющихся новатіанъ, чтобы они, отрекаясь оть своихъ заблужденій, давали письменное обѣщаніе во всемъ слѣдовать опредѣленіямъ каѳолической церкви и, между прочимъ, не уклоняться оть общенія съ двоеженцами (1 Всел. соб. пр. 8). Правда, и изъ числа церковныхъ писателей древне-христіанской эпохи можно указать нѣсколькихъ, у которыхъ встрѣчаются весьма неблагосклонныя сужденія даже о второмъ бракѣ (см., напр. *Aemiliegora*, „Прошеніе о христіанахъ“, гл. 33,—*Corpor. apologet. ed. Otto*, т. VII, р. 172; р. перев. свящ. *Преображенского* въ Соч. древн. христ. апологет., стр. 118. М. 1867), не говоря уже о послѣдующихъ (ср. *Оригена* — *Homil. XVII in Lucam*, ed. *Delarue*, т. III, р. 953, Paris 1740), при чемъ, вопреки мнѣнію западныхъ ученыхъ (*Binterim*, Die vorzügl. Denkwürd. Bd. VI, Th. 1, S. 331—5; *Zhishman*, Das Ehrerecht, S. 407—8), представляется безразличнымъ, прекращенъ ли первый бракъ смертью одного изъ супруговъ, или же разводомъ. Но что въ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ обще-церковнымъ возарѣніемъ извѣстной эпохи, а лишь съ частными взглядами отдѣльныхъ лицъ, не трудно убѣдиться изъ сопоставленія подобныхъ заявлений съ другими, выражавшими иной взглядъ, и при томъ вполнѣ согласный съ наставленіями апостольскими. „Сочетавшіеся первымъ бракомъ—говорить, напр., св. Кириллъ іерусалимскій въ свое мъ IV огласит. поученіи (гл. 26)—да не унижаютъ вступившихъ во второй бракъ. Воздержаніе—дѣло прекрасное и достойное удивленія, но изви-нительно вступить и во второй бракъ, чтобы немощнымъ не жить блудно“. (Твор. св. Кирилла, архіеп. іерусал., изд. 2-е. Серг. Пос. 1893, стр. 57). Подобныя этому сужденія находимъ мы у св. Іоанна Златоуста (*Homil. XV in 1 Tim. IV*, 11—15,—*Opp. ed. Montfaucon*, т. XI, р. 634), Амфилокія Иконійскаго (*Orat. de occursu Domini*, с. 7,—*Migne*, Patrol. gr. т. XXXIX, col. 55) и др.

1) Что касается западной половины христіанскаго міра, то здѣсь, въ противоположность аскетической тенденціи востока, съ раннихъ поръ устанавливается, въ несомнѣнной зависимости оть нравственныхъ традицій и юридическихъ нормъ, унаслѣдованныхъ изъ до-христіанской эпохи, болѣе синхронительное возарѣніе на повторяемость христіанскаго брака. Выраженіе такого возарѣнія мы находимъ, напр., у блаж. Іеронима: по его словамъ, „церковь не осуждаетъ ни вторыхъ, ни третьихъ браковъ, и точно такъ же позволяетъ выходить замужъ за пятаго, за шестого и т. д. мужа, какъ и за второго... Не осуждаю—продолжаетъ онъ—вторыхъ, ни третьихъ, даже, если можно сказать, осьмыхъ браковъ: пусть иная приметъ и осьмого мужа, только бы перестала любодѣйствовать“ (col. (Ep. ad. "Pammach.", — *Migne* Patr. lat. т. XXII, col. 508; русск. перев. ч. 2, стр. 43. Ср. еще замѣчательный разсказъ того же бл. Іеронима въ его письмѣ къ Агерухіи, — *Migne* ib. col. 1052). Подобныя же сужденія находимъ мы и у другого авторитетнаго учителя западной

нашелъ себѣ довольно полное и точное выражение въ слѣдующихъ словахъ „Апостольскихъ Постановленій“ (кн. III, гл. 2): „Вы должны знать, что единобрачіе, бывающее по закону, правильно, какъ согласное съ волей Божией; второбрачіе послѣ обѣта (чистаго вдовства) беззаконно—не само по себѣ, а вслѣдствіе невѣрности (данному обѣту); троебрачіе—знакъ невоздержанія; сверхъ же третьяго брака — явный блудъ и очевидное любострастіе“ ¹⁾). Болѣе подробное раскрытие получилъ этотъ взглядъ въ цѣломъ рядѣ каноническихъ опредѣленій, доселѣ сохраняющихъ за собою значеніе нормъ дѣйствующаго права православной церкви. Какъ видно изъ этихъ опредѣленій, церковь, согласно наставлению апостола, не закрывая для юныхъ вдовствующихъ лицъ возможности вступить въ новый бракъ, тѣмъ не менѣе отдавала явное предпочтеніе обрекшимъ себя на воздержаніе и не только не допускала второбрачныхъ къ полученію свя-

церкви, блаж. Августина, въ его трактатѣ *De bono viduitatis* (cap. 12): основываясь на томъ, что апостолъ предоставляетъ вдовѣ по смерти мужа (безъ обозначенія—какого: первого, второго и т. д.) свободу вступить въ новое супружество, а также на нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ священнаго писанія, онъ рѣшительно заявляетъ, что *quoties voluerit. viris mortuis, nubat femina, и не рѣтастся, боясь противорѣчія съ писаниемъ, осуждать какой-бы то ни было бракъ* (*Migne, Patrol. lat. t. XL, col 439—440*). Позднѣйшія свидѣтельства показываютъ, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ частными и исключительными мягкими отදельными лицами, а съ господствующимъ воззрѣніемъ христіанскаго запада, неизмѣнно удержавшимся здѣсь на пространствѣ многихъ вѣковъ (судя по указаніямъ западныхъ пенитенціаловъ, напр. Феодора кентерберійскаго и др., опредѣляющихъ эпітиміи вступившимъ въ четвертый, пятый и шестой бракъ, *vel plus, безъ расторженія этихъ браковъ*,—см. *Cer- ring, Lehrbuch des Kirchenrechts*, 3-е Aufl., S. 913), вплоть до настоящаго времени. На востокѣ схождительность къ послѣдовательному многобрачію никогда не простидалась такъ далеко, хотя и здѣсь предѣльная норма (третій бракъ), какъ увидимъ ниже, установилась въ законодательномъ порядкѣ не сразу.

1) Приводимъ и подлинный текстъ указанного мѣста въ виду трудности передать его по-русски безъ сдѣланныхъ въ скобахъ поясненій: *Καὶ τοῦτο γὰρ εἰδέναι ὁφεῖτε, ὅτι μονογαμία μὲν κατὰ νόμον γυνομένη, δικτίσια, ὡς ἂν κατὰ γυνάρχην Θεοῦ ὑπάρχοντας διγαμία δὲ μετὰ ἐπαγγελίαν παρανομοκ, οὐ διὰ τὴν συνύφειαν, ἀλλὰ διὰ τὸ φεῦδος τριγαμία δὲ, ἀκρασίας σημεῖον, τὸ δὲ ὑπὲρ τὴν τριγαμίαν, προφανὸς πορνεία καὶ ἀσέλγεια ἀναμφίβολος* (*Pitra, Juris eccles. graec. hist. et. mon. t. I, p. 225*).

щенаго сана¹⁾, но и налагала на нихъ очистительную эпитимію. Тѣмъ болѣе, разумѣется, подвергались этой послѣдней *οἱ πλειστοὶ γάμοις λεριπίστοντες* (неокес. пр. 3), т. е. вступившіе въ третій бракъ (см. Вас. В. пр. 4), при чёмъ продолжительность покаянія естественно удлинялась сообразно возрастающей тяжести вины²⁾. Что касается, затѣмъ, даль-

¹⁾ О второбрачіи, какъ препятствіи къ вступленію въ разрядъ священослужащихъ лицъ (епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ), кроме св. писанія (1 Тим. III, 2—12; Тит. I, 6), говорятьъ слѣдующія каноническая правила: апост. пр. 17, трул. соб. 3, св. Вас. В. 12. О томъ же многочисленныя свидѣтельства древне-христіанскихъ писателей см. у *Bingham'a—Origin. sive antiq. eccles. t. II, lib. IV, cap. 5, p. 153—8. Halae 1725*). Впрочемъ, указанное ограниченіе церковной правоспособности не было безусловнымъ: какъ видно изъ письма блаж. Феодорита къ патріарху антіохійскому Домну, въ восточной церкви бывали случаи поставленія второбрачныхъ даже въ епископской санѣ (см. *Domno ep. Antiochiae epist. CX.—Migne, Patrol. s. gr. t. LXXXIII, col. 1305—6*). О второбрачіи, какъ препятствіи къ хитротоніи въ священныя степени (или—по терминологіи католического церковного права—irregularitas sacramenti), кроме болѣе или менѣе краткихъ указаній въ курсахъ церковного права, специально трактуютъ *Müller—De bigamia, irregularitatis fonte et causa (dissert. inaugur.). Vratisl. 1868*, и *Sachsse—Die Lehre vom defectus sacramenti*, Berl. 1881.

²⁾ Продолжительность эпитиміи за второбрачіе, по-видимому, первоначально не была опредѣлена съ точностью, какъ можно судить на основаніи 1 пр. лаодикійского собора: здѣсь правильно (*ἐλευθέρως καὶ νομίμως*) вступившихъ во второй бракъ предписывается принимать въ общеніе „по прошествіи непродолжительнаго времени и по упражненіи въ молитвахъ и постѣ“, при чёмъ есть даже возможность полагать, что имѣются въ виду не определенные формы публичнаго покаянія, а лишь нѣкоторыя сверхобычныя благочестивыя упражненія, предписываемыя иногда въ древнихъ церковныхъ правилахъ и пенитенціалахъ вступающимъ и въ первый бракъ (см. *Binderm. Die vorrѣgl. Denkwrd.*, Bd. VI, Th. 1, S 359—360). Впрочемъ, уже и въ этомъ правилѣ (въ словахъ: *καὶ τὸν ἔκκλησιατικὸν κανόνα*) можно, кажется намъ, усматривать нѣкоторый намекъ на устанавливавшуюся тогда (около половины IV вѣка) въ церковной практикѣ твердую норму отношеній къ второбрачнымъ, становившимся вскорѣ потомъ въ ряды публично кающихся. Явились и болѣе точные опредѣленія „непродолжительнаго времени“ ихъ покаянія. По словамъ св. Василія В. (пр. 4), въ его время, т. е. въ 70-хъ годахъ того же IV в., одни отлучали второбрачныхъ на годъ, а другіе на два; самъ св. отецъ склонялся, по-видимому, въ сторону большей нормы, насколько можно судить по опредѣленію у него эпитиміи за троебрачіе. На послѣднее, по строгому взгляду древней восточной церкви, нашедшему себѣ выраженіе въ каноническихъ правилахъ того же св. Василія, „нѣть закона“, почему и случаи вступленія въ третій бракъ рассматриваются

нѣйшаго многобрачія (*πολυγаміа*), переступавшаго предѣлъ церковной снисходительности, то о немъ древніе восточные отцы совсѣмъ „умолчали, какъ о дѣлѣ скотскомъ и совершенно чуждомъ человѣческому роду“, а св. Василій В., признавая его грѣхомъ болѣе тяжкимъ, чѣмъ блудъ, опредѣлилъ (въ пр. 80), чтобы виновный въ семъ былъ единолично плачущимъ, три лѣта припадающимъ и уже только потомъ — по истеченіи извѣстнаго, опредѣляемаго усмотрѣніемъ духовника, времени пребыванія въ разрядѣ слушающихъ и въ общемъ стояніи съ вѣрными, но безъ участія въ евхаристіи — былъ принимаемъ въ церковное общеніе¹⁾). Само

здесь, какъ „печистоты въ церкви“ (*ρυπασμата τῆς ἐκκλησίας* — Вас. В. пр. 50). Однако, по снисхожденію къ человѣческой немощи, и третій бракъ не былъ воспрещенъ совершенно, какъ союзъ все же лучшій, чѣмъ распутное любодѣяніе, и вступившіе въ него не подвергались „всенародному осужденію“ (т. е. расторженію ихъ сожительства, по толкованію Вальсамона, — см. Правила св. оо. съ толков., изд. Моск. Общ. Люб. Дух. Просв., стр. 312. М. 1884). Но, разумѣется, они должны были, подобно второбрачнымъ, пройти извѣстный путь покаянія, продолжительность котораго увеличивалась „по соразмѣрности“: во времена св. Василія В. троебрачныхъ отлучали на три, а иногда и на четыре года, самъ же онъ, слѣдя также обычаю и примѣру предшественниковъ, находилъ справедливымъ назначать въ этомъ случаѣ пятилѣтній срокъ эпитиміи (т. е. высшую норму, откуда слѣдуетъ заключить, что и для второбрачныхъ, „по соразмѣрности“, нормою покаянія признавалась имъ двухлѣтняя, а не одногодичная эпитимія). При этомъ отбывающіе покаяніе въ первые два или три года допускались лишь къ слушанію писаній, а потомъ и къ стоянію съ вѣрными во все продолженіе церковной службы, только безъ права прѣобщенія святыни“ (пр. 4). Послѣднія замѣчанія указываютъ на важную перемѣну, происшедшую въ пенитенціарной практикѣ со времени заодиційского собора: лица, подвергаемыя эпитиміи за вступленіе въ третій и второй бракъ, ставятся въ опредѣленные разряды кающихся и проходить опредѣленныя ступени публичнаго покаянія. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что все эти каноническія опредѣленія о продолжительности церковнаго покаянія второбрачныхъ и троебрачныхъ, какъ и все вообще указанія касательно сроковъ эпитиміи, не отличались характеромъ безусловной обязательности и имѣли больше формальное, чѣмъ практическое значеніе, подвергаясь сокращеніямъ въ силу общаго права диспенсаціи по вниманію къ душевному настроенію кающагося и еще больше — къ измѣнившимся требованіямъ жизни (см. подробное разъясненіе этого въ 102 пр. трульскаго собора).

¹⁾ Такъ понимаемъ мы опредѣленіе св. отца относительно срока эпитиміи за „многобрачіе“, слѣдя авторитетному изъясненію смысла указанного правила у византійскихъ толкователей — Зонары и Вальсамона

собою понятно, что самая возможность возстановленія такимъ путемъ церковной правоспособности для впавшихъ въ грѣхъ „многобрачія“ необходимо обусловливалась тѣмъ, что они прежде всего — „оставятъ гнусное дѣло и расторгнутъ незаконный бракъ“ ¹⁾.

Воззрѣніе на повторяемость христіанского брака, усвоенное церковю, не осталось чуждымъ и законодательству византійскихъ императоровъ, развивавшемуся, какъ известно, на основѣ до-христіанского римского права, но подъ постояннымъ и сильнымъ вліяніемъ церкви. Вліяніе это въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, должно было обнаружиться постепеннымъ преобразованіемъ юридическихъ опредѣленій, сложившихся въ периодъ господства иныхъ, чуждыхъ христіанскому аскетизму, нравственныхъ понятій и идеаловъ. Хотя древнему миру и не была совершенно чуждою мысль о преимуществѣ единобрачія надъ послѣдовательнымъ многобрачіемъ, по крайней мѣрѣ—для одной стороны ²⁾, тѣмъ не менѣе эта мысль не имѣла обязательнаго значенія, и римское право до-христіанской эпохи допускало не только второй и третій, но и дальнѣйшіе браки безъ ограниченія, съ соблюденіемъ только изв. промежутка между прежнимъ и послѣдующимъ бракомъ при нѣкоторыхъ случаяхъ развода и съ запрещеніемъ овдовѣвшей женѣ вступать въ новый бракъ прежде, чѣмъ истечетъ узаконенное *tempus lugendi*, въ случаѣ прекращенія брака смертю мужа ³⁾. Такое отношеніе къ повторяемости брака стояло

(см. Прав. св. оо. съ толков., изд. Моск. Общ. Люб. Дух. Просв., стр. 365—6).

¹⁾ Толкованіе Аристина на 80 пр. св. Василія,—тамъ же, стр. 365.

²⁾ Именно—для жены, по отношенію къ которой *multorum matrimoniorum experientia* рассматривалась въ греко-римскомъ мірѣ *quasi legitimae cuiusdam intemperantiae signum*, и наоборот—считалось почетнымъ наименование *univira* (*uni pupta viro*), нерѣдко обозначавшееся даже на надгробномъ камнѣ такихъ вѣрныхъ первому браку женъ (*Zhishman*, op. cit. S. 401). На мужа эта точка зренія не распространялась потому, что на мужчину возлагалась обязанность, имѣвшая религіозно-политическое значение: быть продолжателемъ рода, источникомъ нового поколѣнія чителей родового культа и гражданъ родного государства.

³⁾ Нужно замѣтить, что указанное замедленіе возможности для жены вступить во второй бракъ имѣло единственную цѣль — предотвратить *turbatio sanguinis* и потому въ своей продолжительности соразмѣрялось

въ очевидномъ разладѣ съ взглядомъ на тотъ же предметъ, твердо установившимся, какъ мы видѣли, преимущественно въ восточной, болѣе сильной и вліятельной половинѣ древнехристіанскаго міра, и не удивительно, если уже въ законодательствѣ первыхъ христіанскихъ императоровъ мы встрѣчаемся съ опредѣленіями, въ которыхъ замѣтна тенденція перенести церковную точку зрѣнія на второбрачіе и въ область гражданскихъ законовъ. Тенденція эта обнаруживается, съ одной стороны, въ сокращеніи количества законныхъ оснований для развода, чѣмъ сама собою сокращалась и возможность повторенія браковъ, съ другой—въ усиліяхъ отодвинуть возможно дальше послѣдующій бракъ отъ предыдущаго и затруднить доступъ къ нему для овдовѣвшей половины брачной четы¹⁾. Однако ни въ императорскихъ

съ наибольшимъ срокомъ беременности (10 мѣсяцевъ), принятыхъ въ римскомъ правѣ. Что касается овдовѣвшаго мужа, то онъ считался *caelebs* со дня смерти жены и могъ хотѣть тотчасъ же вступить въ новый бракъ. До какой степени при этомъ была чужда правовому сознанію мысль о высотѣ безбрачія послѣ наступившаго вдовства, можно судить по тому, что по *lex Iulia et Papia Porrea* (издан. при Августѣ) бездѣтные вдовцы даже обязывались вступить въ новый бракъ, если желали избѣгнуть установленныхъ закономъ невыгодныхъ послѣдствій бездѣтности и безбрачія.

1) Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить прежде всего измѣненіе продолжительности и значенія *temporis lugendi*. Конституція имп. Граціана, Валентиніана и Феодосія, изданная въ 381 г., узаконяетъ полный, 12-мѣсячный *annus luctus*, признавая при томъ же и этотъ срокъ слишкомъ короткимъ (l. 2 Cod. V, 9). Очевидно, прежній мотивъ относительно *turbatio* отступаетъ здѣсь совсѣмъ на задній планъ, уступая мѣсто новому—необходимости для вдовы если не полнаго, то возможно болѣе продолжительного воздержанія отъ вступленія въ новый бракъ. На ряду съ этимъ императорская узаконенія, относящіяся къ той же эпохѣ, подвергаютъ какъ женщину, такъ и мужчину, вступающихъ во второй бракъ, нѣкоторымъ имущественнымъ невыгодамъ, ограждая и поддерживая этимъ самыми интересы дѣтей, прижитыхъ второбрачными супругами отъ первого брака (см. Cod. Theodos. lib. III, tit. 8—9). Законодательство Юстиніана идетъ въ этомъ направлѣніи еще дальше, вводя цѣлый рядъ новыхъ ограниченій имущественныхъ и наслѣдственныхъ правъ лицъ, вступающихъ во второй бракъ (l. 1 Cod. V, 9; Nov. XXII, 22 и др.). Однако и здѣсь эти ограниченія по прежнему вызываются желаніемъ оградить интересы первобрачныхъ дѣтей и едва-ли могутъ быть понимаемы какъ прямое отраженіе неблагосклоннаго взгляда на самое второбрачіе. Вліяніе такого взгляда можно усматривать только въ усвоенномъ юстиніановскимъ законодательствомъ изъ канонического права запре-

конституціяхъ, вошедшихъ въ юстиніановскій „Кодексъ“, ни даже въ новеллахъ самого императора Юстиніана и его близкихъ преемниковъ мы еще не находимъ прямыхъ ограничительныхъ постановленій относительно дозволенного числа послѣдовательныхъ браковъ. Не содержится такого постановленія и въ „Эклогѣ“, законодательномъ кодексѣ императоровъ—иконоборцевъ, хотя ея совершенное умолчаніе о третьемъ бракѣ, по замѣчанію одного изъ нашихъ ученыхъ канонистовъ, открываетъ возможность двоякаго предположенія: можно предположить ея согласіе съ раньше дѣйствовавшимъ свѣтскимъ законодательствомъ, или—напротивъ—думать, что „Эклога“, сполна воспринимая церковный взглядъ (и даже—прибавимъ—нѣсколько утрируя его), умалчиваетъ о третьемъ бракѣ потому, что считаетъ его юридически — невозможнымъ¹⁾. Вѣроятность послѣдняго предположенія, вполнѣ соответствующаго общему духу и характеру названного памятника, находить себѣ подтвержденіе въ позднѣйшемъ законѣ имп. Ирины (ок. 800 г.), безусловно воспрещающемъ третій и послѣдующіе браки²⁾. Не смотря на это, въ практикѣ продолжали еще сохранять силу традиціи древняго права, допускавшія даже и четвертый бракъ. Но въ сферѣ положительного законодательства отрицательное отношеніе къ нему упрочилось уже настолько, что новый законодательный сводъ императоровъ македонской династіи—„Прохиронъ“, стремившійся по мѣрѣ возможности реставрировать основоположенія юстиніановскаго права, не только не призналъ четвертаго брака дозволеннымъ, но прямо объявилъ его подлежащимъ расторженію, дѣтей отъ него — незаконными, а вступившихъ въ такой бракъ—виновными наравнѣ съ осквернившими себя блудомъ.

щевій посвящать въ духовный санъ вдовца, вступившаго во второй бракъ, и мужчину, женатаго на вдовѣ (Nov. VI, с. 5; СХХХVII, с. 2). За исключеніемъ этихъ, особыхъ по своему религіозно-служебному положенію лицъ, повторительный бракъ для всѣхъ прочихъ не считался недозволеннымъ.

¹⁾ Проф. Суворовъ Н. С. Объемъ дисциплинарн. суда и юрисдикціи въ древней церкви, стр. 278—9.

²⁾ Οριζομενοι παντὶ τρίτον συνοικέσιον καὶ ἐπέκεινα μὲν γίνεσθαι, ὡς ἀλλότρια τῆς Θείας αποστολικῆς διατάξεως καὶ δένα τῆς χριστιανικῆς ἀγιοτοῖς. (Zachariae—lus graeco-romanum, т. III, р. 60; то же въ Синт. Ралли и Потли, т. V, стр. 252).

Однако третій бракъ былъ дозволенъ вновь, и при томъ на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и второй (*ώστε οὖτε τὰ αὐτὰ δίκαια προβαίνειν καὶ ἐπὶ τοῦ τρίτου συνοικεῖσθαι, ὅπόσα καὶ ἐπὶ τοῦ δευτέρου*), т. е. съ примѣненіемъ одинаковыхъ гражданскихъ послѣдствій и одинаковой церковной епитиміи¹⁾). Послѣднее, однако, не соотвѣтствовало каноническимъ опредѣленіямъ о томъ же предметѣ, на что вскорѣ потомъ обратилъ вниманіе въ одной изъ своихъ новелль (ХС) императоръ Левъ Мудрый, настаивая на болѣе строгомъ отношеніи къ третьему браку²⁾). Но самъ же законодатель, и пошель первый наперекоръ своимъ узаконеніямъ, вступивши въ третій, а потомъ даже и въ четвертый бракъ. Возникши по этому поводу споры между двумя партіями, изъ которыхъ одна держала сторону императора, а другая, съ патріархомъ во главѣ, настаивала на общеобязательности церковныхъ каноновъ, закончились только въ 920 г. такъ называемымъ актомъ соединенія (*ὁ τόμος τῆς ἑγώσεως*), составленнымъ на соборѣ и окончательно формулировавшимъ на будущее время рѣшеніе спорного вопроса. „Опредѣляемъ общимъ мнѣніемъ и судомъ,—читаемъ мы здѣсь—чтобы съ настоящаго года никто не дерзаль на четвертый бракъ, который совершенно отвергается (*εἴται ἀλόβλητον παντελῶς*); и если кто рѣшится вступить въ такое сожительство, да будетъ лишенъ всякаго церковнаго собранія и чуждъ самаго входа въ святый храмъ до тѣхъ поръ, пока останется въ этомъ сожительствѣ, ибо такъ угодно было и св. отцамъ, бывшимъ прежде насъ. И мы, дѣлая это рѣшеніе болѣе яснымъ, объявляемъ такового чуждымъ христіанского общества. Такъ—о четвертомъ бракѣ. А чтобы привести въ большее благообразіе и другіе (повторительные) браки и дать имъ такой видъ, чтобы они не казались недостойными христіанской жизни, мы и относительно третьего брака опредѣляемъ, что онъ не долженъ быть совершасть просто и какъ случилось; ибо хотя онъ и былъ терпимъ отцами, какъ нечистота, или такое дѣло, которое тогда не совершалось еще такъ безстыдно,... но нынѣ, когда эта нечистота сдѣлалась открытою и, вслѣдствіе повсюднаго распро-

¹⁾ Prochir. tit IV, c. 25.²⁾ Zachariae—Jus gr.—tom., t. III, p. 186.

страненія, не считается уже чѣмъ — либо постыднымъ и оскверняющимъ, мы признали за благо устранить ее точно такъ, какъ мы никогда не оставляли грязи, если она лежить не въ углу, а раскидана по жилищу, но очищаемъ домъ и выбрасываемъ изъ него все, непріятное для глазъ. Итакъ, уступая человѣческой немощи и заботясь о подобающемъ христіанской жизни благоприличіи, опредѣляемъ соблюдать относительно третьяго брака слѣдующее: если кто, доживъ до сорока лѣтъ и не стыдясь природы, не имѣя попеченія о подобающемъ каждому христіанину благоустройствіи своей жизни, но движимый только страстнымъ вожделѣніемъ, ввергнетъ себя въ третій бракъ, таковыи не имѣеть участія въ причащеніи святыхъ тайнъ до истеченія пятилѣтія (*μέχρι πενտαετίας ἀμέτοχον εἶναι τῆς τοῦ ἀγιασμοῦ μεταλήψεως*), и это соблюдается со всею строгостью, такъ что срокъ эпитиміи ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть сокращаемъ для него. Ибо кто послѣ сорокового года возлюбилъ быть или считаться въ христіанской церкви нечистотою, тотъ какое представить удостовѣреніе въ томъ, что онъ печется о своей жизни и заслуживаетъ того, чтобы для него сокращено было время отлученія отъ тайнъ? Но и послѣ того, какъ онъ будетъ удостоенъ пречистаго причащенія, не должно быть дозволено ему приступать къ причащенію въ другое время, развѣ только въ день спасительного воскресенія Христа и Бога нашего, когда онъ, сколько возможно, очистится воздержаніемъ въ предшествовавшіе дни поста. Но это мы говоримъ о тѣхъ, которые, какъ сказано, вступаютъ въ третій бракъ послѣ сорокового года, не имѣя дѣтей отъ прежнихъ браковъ: ибо, если будутъ дѣти, третій бракъ для нихъ недозволителенъ (*εάν τέκκα παρῇ, ἀσυγχώητος αὐτοῖς ἡ τριγαμία*), такъ какъ было бы весьма несправедливо потакать безвременному похотѣнію отца и не позаботиться о судьбѣ дѣтей отъ прежнихъ браковъ, чтобы они были обеспечены и свободны отъ невыгодъ, какими сопровождается для семьи излишнее чадородіе. А кто, будучи тридцати лѣтъ и имѣя дѣтей отъ предшествовавшихъ браковъ, соединится съ третьею женой, таковой безъ всякаго снисхожденія долженъ быть удаленъ отъ тайнъ на четыре года, потому что онъ вступилъ въ этотъ бракъ, очевидно, не вслѣдствіе чего-нибудь другого, а по увлече-

ніо невоздержаніємъ и потому, что онъ рабъ плотскихъ по-
желаній. А по истечениі срока эпітиміи только трижды въ
годъ онъ удостоивается причащенія таинъ: въ первый разъ—
въ день спасительного воскресенія Христа и Бога нашего,
во второй—въ успеніе Пречистой Владычицы нашей Бого-
родицы и въ третій—въ день рождества Христа и Бога на-
шего, потому что и этимъ дніямъ предшествуетъ посты, до-
ставляющій пользу (немощнымъ душамъ). А если дѣтей
нѣть, то поелику желаніе чадорожденія не непростительно,
пусть такой бракъ удостоится снисхожденія и уврачуется
эпітимію, какая дѣйствовала отъ начала и до нынѣ (τὸ
τηρικαῦτα συγγράψῃς ἀξιωθήσεται ὁ τοιοῦτος γάμος, καὶ μόνοι τῷ
Ἐξ ἀρχῆς καὶ μέχρι τοῦ νῦν κρατήσεται ἐπίτιμος θεραπευθήσεται)¹⁾.
Что же касается второго брака, то онъ признанъ дозволен-
нымъ подъ условіемъ точнаго соблюденія установленныхъ
правилъ, охраняющихъ чистоту брачнаго союза вообще ¹⁾
и—разумѣется—безъ отмѣны назначенной въ канонахъ за
второбрачіе эпітиміи ²⁾.

Приведенное соборное определение, будучи церковнымъ по своему происхождению и по содержанию раскрываемыхъ въ немъ положений относительно повторяемости христіанского брака; съ самаго начала, благодаря императорской санкціи, получило силу и гражданского закона ^{3).} Это обстоятель-

¹⁾ τὸς τῆς ἐνθεως въ подлинникѣ напечатанъ сполна у *Zachariae—Jus gr.*—ром. т. III, р. 228—232, въ аениской *Σύνταγμα*, т. V, р. 4—10 и у *Леукхлавія*—*Jus graeco* — роман. т. I, р. 104 — §. Славянскій переводъ „тома“ составляетъ 52-ю главу Кормчей, по изд. 1787 г. л. 245 об. — 254 об. Русскій переводъ, приведенный въ текстѣ, заимствованъ изъ толкованія Вальсамона къ 4 пр. св. Василія В., — см. „Правила св. оо. съ толков.“, изд. М. Общ. Люб. Дух. Просв., стр. 171—8.

2) Вопреки мнѣнію Вальсамона (см. его толков. на 7 пр. Неокес. соб.—Прав. св. помѣстн. соб. съ толков., вып. 1, стр. 86. М. 1880). Такое мнѣніе не можетъ быть принято, на нашъ взглядъ, во 1-хъ потому, что не соотвѣтствуетъ общему ригористическому духу соборнаго опредѣленія, изрекающаго свой судь и назначающаго эпитетомъ *μετὰ πάσης ἀραιεσίας*, древнихъ каноновъ; во 2-хъ, какъ не находящее себѣ подтвержденія въ практикѣ послѣдующаго времени, насколько о ней можно судить по „каноническимъ отвѣтамъ“ различныхъ іерарховъ и церковно-административныхъ дѣятелей (см. отвѣты Иліи м. критскаго — въ *Συντ.* V, р. 378; Никиты м. ираклійскаго—*ibid.*, р. 441, и др.).

³⁾ Такъ именно смотрѣть на него извѣстный знатокъ памятниковъ визавтійскаго права Цахаріѣ фонъ—Лингенталь, помѣстившій *τόμος της*

ство даетъ намъ право видѣть въ немъ завершительное звено того процесса, которымъ законодательство византійскихъ императоровъ постепенно шло отъ традицій до-христіанского права къ усвоенію церковно-канонической точки зрењія на второй и послѣдующіе браки христіанъ. Съ изданіемъ „акта соединенія“ предметъ этотъ какъ въ церковномъ, такъ и въ гражданскомъ законодательствѣ получилъ свое окончательное, вполнѣ тождественное разрѣшеніе, которое стало руководящей нормою для практики послѣдующихъ временъ¹⁾.

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что православная церковь, дѣйствительно, изначала иначе относилась ко второму и дальнѣйшимъ бракамъ своихъ членовъ, чѣмъ къ первому. Но уже изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ, говорящихъ объ этомъ, не трудно усмотреть, что источникъ такого отношенія заключался отнюдь не въ предполагаемомъ догматическомъ воззрѣніи древней церкви, усвоявшей, будто-бы, лишь первому христіанскому браку значение таинства, а въ томъ идеальномъ пониманіи нравственной природы брачного союза, которое, не будучи совершенно чуждымъ и до-христіанскому миру, вполнѣ раскрылось, однако, лишь въ христіанствѣ. Послѣднее, разсматривая бракъ съ его естественной, нравственно-психологической стороны, видѣть въ немъ такой человѣческий союзъ, въ которомъ личность одного пола, со всѣми ея природными свойствами, настолько тѣсно и гармонически соединяется съ личностью другого пола, что составляетъ съ нею какъ-бы единый духовный организмъ, болѣе совершенный въ этомъ новосозданномъ цѣломъ, чѣмъ въ своихъ частяхъ. Этотъ союзъ уже при самомъ своемъ возникновеніи представляетъ такое тѣсное общеніе двухъ индивидуальностей, которымъ совершенно исключается для каждой изъ нихъ возможность по-

ενώσεως въ своемъ изданіи императорскихъ новеллъ. По его словамъ, названный памятникъ *ab ipsis Graecis novellae legis instar habetur* (см. *Jus graeco-greci*, t. III, p. 227, примѣч.).

¹⁾ См. объ этомъ подробнѣе у *Zhishman'a*, оп. cit. S. 443—6. Вполнѣ согласную съ опредѣленіями „тома“ практику отмѣчаетъ и бл. Симеонъ Солунскій въ „Разгов. о священнод. и таинств. церк.“, гл. 241, — русск. перев. въ Пис. св. оо. и учит. церкви, относящ. къ истолков. правосл. богослуж., т. II, стр. 352.

добнаго же общенія съ какимъ-либо третьимъ лицомъ. „Цѣльная личность человѣческая не можетъ раздвоиться; если одна личность отдалась другой вполнѣ и безраздѣльно, то невозможно, чтобы она такъ же полно могла отдаваться и въ другой разъ третьей личности“, тѣмъ болѣе, что изначала предполагаемая духовная близость супруговъ, при нормальнѣ теченіи ихъ общей жизни, постепенно растетъ и крѣпнетъ все болѣе и болѣе, преобразуясь въ концѣ концовъ въ самое глубокое, живое и тѣсное единство. Нельзя не согласиться, что при такихъ условіяхъ дѣйствительно „трудно, чтобы по прекращеніи такого союза заключаемый тѣмъ или другимъ супругомъ второй бракъ былъ подобенъ первому по искренности и энергіи жизненнаго общенія, а послѣшность въ заключеніи новыхъ и новыхъ супружествъ прямо и ясно показывала бы въ супругѣ грубую природу и низкую степень духовнаго развитія“¹⁾. Вотъ та точка зреенія на существо и характеръ брачныхъ отношеній, которая вполнѣ соответствуетъ нравственно-христіанскому понятію объ этомъ предметѣ и которая изначала должна была имѣть опредѣляющее значеніе при установлѣніи отношеній церкви ко вторымъ и третьимъ бракамъ. Безъ сомнѣнія, при этомъ не осталась безъ вліянія и та мысль, что христіанскій бракъ долженъ быть подобиемъ союза единаго Христа съ единою церковію, откуда могли бытъ дѣлаемы выводы о неповторяемости брачныхъ сопряженій²⁾. Но какъ ни близко соприкасались эти выводы съ догматическимъ воззрѣніемъ на бракъ, какъ на „великую тайну во Христа и во церковь“, тѣмъ не менѣе устанавливать между ними причинную связь и объяснять отношеніе церкви къ послѣдовательному двоебрачію и троебрачію изъ догматического ученія ея о таинствѣ

¹⁾ Страховъ Н. Бракъ, рассматриваемый въ своей природѣ и со стороны формы его заключенія, стр. 77. Харьковъ 1893.

²⁾ Подобнаго рода сужденія мы дѣйствительно встрѣчаемъ у иѣкоторыхъ изъ древнихъ отцовъ. Такъ, напр., св. Григорій назіан., разсуждая (въ словѣ 37) объ изреченіи апостола: „Тайна сія велика есть, азъ же глаголю во Христа и во церковь“, говоритъ: „Мнѣ кажется, что это изреченіе не даетъ мѣста второму браку. Ибо если два Христа, то и два мужа, двѣ и жены, а если одинъ Христосъ, одна глава церкви, то и одна плоть, а всякая другая да будетъ отринута. Если же возбраняется второй (бракъ), то что сказать о третьемъ?“ (Твор. св. Григорія наз. въ р. перев., т. III, стр. 220).

браха было бы ошибочно. Аналогія брачнаго союза съ его высокимъ первообразомъ выступала въ данномъ случаѣ лишь тою своею стороною, которая уясняла нравственную природу брачнаго соединенія, какъ совершенійшаго внутренняго единства; и поскольку супружескій союзъ, будеть ли онъ первый, второй или третій, способенъ бытъ осуществить въ себѣ это духовное единство, постольку онъ и представлялся приближающимся, по своему *нравственному* характеру, къ указанному первообразу¹⁾. Съ этой точки зрѣнія не трудно понять то нравственное предпочтеніе, какое отдавалось церковью первому браку предъ вторымъ и третьимъ. Только супружескій союзъ лицъ, не знаяшихъ до него иного сопряженія, способенъ, согласно вышесказанному, соединить въ себѣ всѣ наиболѣе благопріятныя условія для того, чтобы развиться и окрѣпнуть въ истинное подобіе союза Христа съ церковью, и только при вѣрности овдовѣвшаго супруга разъ данному обѣту осуществляется идеальь истинно-христіанской любви, не прекращающейся и со смертю кого-либо изъ супруговъ²⁾. Но идеальь этотъ, какъ и всякий другой, не могъ быть проводимъ церковью въ жизнь ея членовъ со всею неумолимостью общеобязательнаго закона, встрѣчая для себя ограниченіе въ справедливомъ требованіи снисхожденія къ человѣческой природѣ, способной испытывать вновь чувство любви и искать новой привязанности послѣ того, какъ распался существовавшій

¹⁾ Что эта мысль не была совершенно чуждою древне-церковному сознанію, можно убѣдиться изъ того, что самыи союзъ Христа съ церковью у одного изъ древнихъ отцовъ (св. Иларія патріарха) представляется, какъ аналогія союзу *второбрачныхъ*. Вотъ его слова: *Viduam, quae a lege sit liberata, beatus Paulus transire ad nuptias alterius sine adulterii criminе docuit: idque exemplum omnem ad Ecclesiam, quae legis se mortua Christo postea sociaret, aptavit* (*Tract. in Psalm. 57*, п. 7, — *Migne Patrol. lat. t. IX, col. 446—7*; см. еще *tract. in Psalm. 131*, п. 24, — *ibid. col. 742—3*).

²⁾ Въ житіи блаж. Макрины, составленномъ братомъ ея, св. Григориемъ янисскимъ, разсказывается, что она, побуждаемая родителями, послѣ смерти своего жениха, избрать себѣ другого, отвѣчала на это рѣшительнымъ отказомъ, указывая на то, что неприлично и беззаконно неуважать разъ сдѣланнаго выбора, такъ какъ бракъ по естеству есть *одинъ*, какъ одно рожденіе и одна смерть; при томъ же и прежній скончавшійся женихъ „живъ у Бога въ надеждѣ воскресенія“, — онъ только какъ-бы удалился на время, и было бы безразсудно не соблюсти вѣрности отсутствующему (Творенія св. Григорія яниск., ч. VIII, стр. 131).

брачный союзъ. Идти наперекоръ естественнымъ запросамъ этого рода, противопоставляя имъ безусловное требование единобрачія, во многихъ случаяхъ значило бы подвергать не-посильному искушению человѣческое несовершенство и отдавать его въ жертву невоздержанія, находящаго себѣ удовлетвореніе во вѣнчальныхъ связяхъ. Отсюда становится совершенно понятнымъ раскрываемый древне-христіанскими писателями церковно-аскетической взглядъ на повторяемость брака, какъ на *remedium incontinentiae* — предохранительное средство противъ полового невоздержанія¹⁾. Но *многогратное* обращеніе къ *remedium* не соответствуетъ достоинству христіанина, какъ свидѣтельство о крайне нездоровомъ его нравственномъ состояніи, и потому естественно вызываетъ неблагосклонное отношение къ себѣ со стороны церкви. „*Non prohibemus secundas nuptias, sed non probamus saepe repetitas*²⁾— вотъ общая древне-церковная точка зреянія на послѣдовательное многобрачіе, соответственно которой представители церковной власти, „заботясь о подобающемъ христіанской жизни благоприличіи“, настойчиво стремились — какъ мы видѣли — къ тому, чтобы насколько возможно ограничить повторяемость браковъ.

Но какова же была при этомъ собственно доктринальская точка зреянія на второй и третій бракъ? Вполнѣ опредѣленного и прямого отвѣта на этотъ вопросъ мы напрасно стали бы искать у древнихъ христіанскихъ писателей. Но нѣкоторыя, и при томъ довольно твердныя, на нашъ взглядъ, основанія для богословскихъ соображеній по этому вопросу у нихъ все же есть. Исходнымъ пунктомъ такихъ соображеній должны служить слова св. ап. Павла, разрѣшающаго юнымъ вдовицамъ вступать въ новый бракъ, „точю о Господѣ“ (*μόνον ἐν Κριστῷ*, — 1 Кор. VII, 39). Смыслъ этого изреченія у древне-христіанскихъ толковниковъ достаточно опредѣленъ. Въ ихъ изъясненіи слова: „точю о Господѣ“ являются предостере-

¹⁾ *Hieronimi* — Ep. 48 ad Pammach. n. 14, — *Migne Patrol. lat. t. XXII*, col. 505. Тотъ же самый взглядъ выраженъ, какъ мы видѣли, и въ *τόμος τῆς ἑγώσεως*, которымъ представители власти церковной и государственной въ востокѣ допустили, съ извѣстн. ограничениями, третій бракъ, *τῇ ἀνθρωπίνῃ συντείχοντες αὐθενεῖς* (*Zachariae* — *Jus gr.* — *rom. t. III*, p. 231).

²⁾ *Ambrosii* — Lib. de viduis, cap. 11, — *Migne Patrol. lat. t. XVI*, col. 268.

женіемъ со стороны апостола юныхъ вдовицъ отъ возможноти вступить въ бракъ, не соотвѣтствующій христіанско-церковнымъ требованіямъ относительно этого союза ¹⁾). Очевидно, слова „о Господѣ“ при такомъ толкованіи отмѣчаютъ собою именно тѣ черты, которыя отличаютъ собственно христіанскій бракъ отъ брака вообще, въ смыслѣ естественаго, обще-человѣческаго союза. Въ чёмъ же состоить наиболѣе важное и существеннѣйшее изъ этихъ отличій? Bonum partiarum—отвѣчаетъ на это блаж. Августинъ—per omnes gentes atque omnes homines in causa generandi est et in fide castitatis, quod autem ad populum Dei pertinet, etiam in sanctitate sacramenti ²⁾. Но эта „святыня таинства“, присущая христіанскому

¹⁾ Ближайшимъ образомъ при этомъ обычно имѣется въ виду требованіе, чтобы христіане вступали въ бракъ только съ единовѣрными имъ, а отнюдь не съ язычниками или еретиками. Древнѣйшии писатели, разумѣются, имѣютъ въ виду преимущественно первыхъ. Такой именно смыслъ даетъ занимающему насъ изреченію апостола Тертулланъ въ соч. *De monogamia* (cap. 7): „Посыгающая—говоритъ онъ—должна посягать о Господѣ, т. е. не за язычника, а за брата (христіанина)“. См. его же *Adv. Marcion.* lib. V, с. 7; *Ad uxor.* lib. II, с. 2. Точно такъ же изъясняютъ это выраженіе блаж. Иеронимъ (*Ер. XLVIII, sive liber apologeticum, ad Pamphach.*, п. 5, — *Migne Patrol. lat. t. XXII, col. 497*), св. Киприанъ кареаг. (*Testim. ad Quirin.* lib. III, с. 62, — *Migne Patrol. lat. t. IV, col. 798*) и др. Браки христіанъ съ язычниками, по воззрѣнію этихъ церковныхъ писателей, суть adulterium и stuprum (*Tert. Ad uxor.* lib. II, с. 3,—*Migne Patr. lat. t. 1, col. 1405*); вступать въ такой союзъ значить prostitueret membra Christi (*Cypr. Lib. de laps.* с. 6, — *Migne Patr. lat. t. IV, col. 483*; см. *Hieron. Ad Iov.* lib. 1 с. 10). Впослѣдствіи, когда, съ окончательнымъ паденіемъ язычества въ греко-римской имперіи, подобные браки стали невозможны и сами по себѣ, церковные писатели, сохрания тотъ же общій смыслъ истолковываемаго мѣста, стали видѣть въ немъ запрещеніе браковъ православныхъ съ еретиками. Такъ, Вальсамонъ, въ толкованіи на 41 пр. св. Василія В., замѣчаетъ: Τὸ μέντοι τῷ κανόνι προσκείμενον, καὶ λέγον, μύουν ἐν Κυρίῳ, προσετέθη διὰ τοῦ ἀποστόλους· ἐν Κυρίῳ γὰρ συναλλάσσει γάμον· μετὰ δραδοβόσου, οὐ μὴ μετὰ ἄφετικον συναρθεῖσα (Σύnt. IV, 189; см. Власталя *Σύnt. στιχ. Γ, κεφ. 4*). Другіе церк. писатели даютъ апостольскому изреченію болѣе широкій смыслъ. Такъ, по изъясненію Златоуста (въ бес. XIX на 1 Кор. VII, 1—2), вступать въ бракъ *ἐν Κυρίῳ* значить совершать это *μετὰ σωφροσύνης, μετὰ καθημότητος* (*Migne Patr. gr. t. LXI, col. 160*). Ср. блаж. Феодорита толков. на 1 Кор. VII, 39 (*Migne ibid. t. LXXXI, col. 285*).

²⁾ *De bono conjugali*, cap. 24, п. 32.—*Migne Patr. lat. t. XL, col. 394* Въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія (cap. 18, п. 21), противополагая христіан-

браку, очевидно не составляетъ исключительной принадлежности союза первоначальныхъ. Вслѣдъ за проф. Павловымъ, мы склонны видѣть выраженіе „общечерковной мысли“ въ замѣчаніи того же великаго учителя западной церкви, что въ послѣдующихъ бракахъ лишь „утрачивается иная норма таинства“ сравнительно съ первымъ¹⁾). Отступленіе отъ „нормы таинства“ въ повторяющихся бракахъ видѣлось христіанскому сознанію именно въ томъ, что второй, напр., бракъ, а тѣмъ болѣе—другіе послѣдующіе по своему нравственному содержанію уже не могли быть *полными* образомъ своего великаго первообраза—таинственного союза Христа и церкви. Этимъ легко объясняется, почему въ древнѣйшихъ упоминаніяхъ о бракѣ среди другихъ таинствъ употреблялись такія выраженія, какъ *o πρώτῳ* и *o λαοφενικῷ γάμῳ*: этими выраженіями отмѣчалось лишь то, что только строго-моногамической и неразрывной, исключающей всякую мысль о другомъ подобномъ жизнеобщеніи, союзъ мужа и жены можетъ быть въ полномъ смыслѣ „тайною во Христа и во церковь“.—Общий же выводъ изъ всего предыдущаго—тотъ, что во второмъ и особенно въ послѣдующемъ (третьемъ) бракѣ церковь осуждала собственно субъективное *нравственное расположение* вступающихъ въ таковой союзъ, но *не отрицала таинства въ самомъ этомъ союзе*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

II. Громогласовъ.

скіе браки языческімъ, онъ замѣчаетъ: *In nostrarum (christianorum) nuptiis plus valet sanctitas sacramenti, quam foecunditas uteri,—Migne ibid. col. 388.*

¹⁾ Августинъ, *De bono conjug.*, c. 18, n. 21: *Visum est enim, qui excessit uxorum numerum singularem, non peccatum aliquod commisisse, sed normam quandam sacramenti amisisse, non ad vitae bonaे meritum, sed ad ordinationis ecclesiasticae signaculum necessarium. Migne Patr. lat. t. XL, col. 387—8.*
См. Павлова—50-я глава Кормчей книги, стр. 66.